

**СМИРНОВ
СЕРГЕЙ
АЛЕВТИНОВИЧ**

Главный научный сотрудник
Института философии
и права СО РАН, доктор
философских наук.
Новосибирск. Россия.

Главный редактор
гуманитарного альманаха
«Человек.RU».

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

УДК 101.9

**БИОГРАФИЧЕСКИЙ МЕТОД
В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ**
Часть 1. Подступы к методу

Аннотация. В статье заявлено начало цикла работ, посвященных построению биографического метода в истории философии. На примере уже существующей философской традиции, поисков В. Дильтея и М. Бахтина, показана проблема, заключающаяся в смешении различных содержаний в практике биографирования. Трудность биографии в истории литературы и философии заключается в том, что происходит путаница и мешанина различных слоев материала. В биографии происходит смешивание живой личности человека и его идей и мыслей, не различаются личные и социальные моменты жизни, индивидуальные и исторические контексты. Периодически биографы делают спекулятивные выводы на основе идей своих героев, выводя те или иные мысли и идеи из конкретной личной жизни персонажа. В статье показано, как рождался биографический метод в концепции В. Дильтея. Поставлены основные рамочные требования к биографическому методу. Автор статьи полагает, что биографический метод есть метод присутствия, согласно которому биограф должен конструировать ситуацию, в которой оказался его герой, посредством чего воссоздается то время, в котором герой жил и творил, с тем, чтобы осуществить опыт феноменологического присутствия в том историческом времени. Заявлено, что суть и смысл биографического метода заключается в том, чтобы через жизнь и деяния конкретной личности показать историческое время, предъявить культурную форму явления времени, с тем, чтобы через личностный опыт было показано историческое время. Делается заявка на создание жанра философского портрета, по примеру жанра литературного портрета, который в свое время был предложен Ш. Сент-Бевом.

Ключевые слова: философия человека, биография, понимание, проживание, присутствие, свидетельство, событие, время, биографический метод, В. Дильтей, М. М. Бахтин.

Sergey A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the SB RAS

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

**BIOGRAPHICAL METHOD
IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY
Part 1. Approaches to the method**

Abstract. The article declares the beginning of a series of works devoted to the construction of the biographical method in the history of philosophy. Using the example of an already existing philosophical tradition, the searches of W. Dilthey and M. Bakhtin, the problem of mixing different contents in the practice of biography is shown. The difficulty of biography in the history of literature and philosophy is that there is confusion and a hodgepodge of different layers of material. In a biography, a person's living personality is mixed with his ideas and thoughts; personal and social moments of life, individual and historical contexts are not distinguished. From time to time, biographers make speculative conclusions based on the ideas of their heroes, deducing certain thoughts and ideas from the specific personal life of the character. The article shows how the biographical method was born in the concept of W. Dilthey. The basic framework requirements for the biographical method are set. The author of the article believes that the biographical method is a method of presence, according to which the biographer must construct the situation in which his hero found himself, through which the time in which the hero lived and worked is recreated in order to realize the experience of phenomenological presence in that historical time. It is stated that the essence and meaning of the biographical method is to show historical time through the life and deeds of a specific person, to present the cultural form of the phenomenon of time, so that historical time is shown through personal experience. An application is made to create a genre of philosophical portrait, following the example of the genre of literary portrait, which was once proposed by C. Sainte-Beuve.

Keywords: human philosophy, biography, understanding, living, presence, evidence, event, time, biographical method, W. Dilthey, M. M. Bakhtin.

DOI: 10.47850/2410-0935-2024-19-250-266

© С. А. Смирнов 2024

Введение

В 1971 году русский философ М. М. Бахтин дал польскому журналисту интервью, посвященное творчеству Ф. М. Достоевского и приуроченное к 150-летию писателя. Интервью было опубликовано уже после смерти философа. В ответ на один из вопросов «Какие обстоятельства в творчестве Достоевского еще не затронуты», М. М. Бахтин выделяет ключевую проблему:

«Прежде всего – биография. Все-таки пока биографии Достоевского у нас нет. Еще даже не нащупан биографический метод: как писать биографию и что в нее включать. У нас биография – это какая-то мешанина творчества с жизнью. Достоевский в творчестве, как всякий писатель – это один человек, а в жизни – другой. И как эти два человека (творец и человек жизни) совмещаются, для нас еще не ясно. Но расчлнять их как-то нужно. Ведь вот, дескать, Раскольников совершил убийство старухи – значит и автор, хотя бы в воображении, совершил его. Чепуха получается. Может, Достоевский и воображал себя убийцей, иначе он не написал бы романа, но ведь это же не есть реальный поступок, за который он несет юридическую и моральную ответственность <...>. Этическая и художественная ответственность – это разные вещи, их нельзя мешать. <...> Жизнь и творчество объединяются тем, что мы называем глубиной человеческой личности. Каждый человек един, хотя и не вмещает всего. В творчестве этот человек, если хотите, разрушает свое единство, он умеет перевоплощаться в других людей. Разделять и смешивать жизнь и творчество нельзя, но необходимо их различать, проводить границу между ними» [Бахтин 2002: 462–463].

С тех пор ситуация в принципе не изменилась. Биографический метод как метод до сих пор нуждается в разработке. И это характерно не только для истории литературы, но и для истории философии. Хотя число биографий мыслителей, философов, писателей, поэтов множится.

В своем ответе, кстати, М. М. Бахтин выделил не просто проблему биографического метода, но и то, что проблемность эта связана с полной неясностью того, как различаются два начала в человеке – творец и человек жизни. В реальной биографической практике происходит мешанина. И в нем, в ответе, он выделил эту важность различения (но не разделения) творчества и жизни, человека-творца и человека жизни. А в качестве сквозной нити он провел тему глубины человеческой личности, фактически, введя тем самым базовое для себя требование единства, на котором и можно строить биографический метод – единство личности того, чья биография пишется. Получается, что именно этого принципа единства личности до сих пор биографы не достигают.

Они либо сваливаются в бытовщину и описывают быт своего героя – встал, поел, пошел туда-то, встретился с тем-то, сходил в магазин, пришел, посидел, что-то пописал, почитал, снова пошел, уехал, приехал, женился, развелся... В этом бытовом плане уже не важно, писатель это, поэт, философ или политический деятель, или ученый. В таком бытописательстве различия возникают только в плане эмпирических деталей земной жизни.

Либо биограф увлекается пересказом творческих произведений своего героя, забывая собственно его как «человека жизни». И тогда биография превращается в пересказ сочинений героя, что получается слабее и хуже, нежели у самого автора. Зачем пересказывать, к примеру, «Науку логики» Гегеля, когда лучше почитать его самого? Пересказ будет заведомо проигрывать своему оригиналу.

Однако, фактически, в конце жизни М. М. Бахтин повторил то, что сказал давно, в самом начале, в своем первом опубликованном тексте, короткой заметке 1919 года «Искусство и ответственность». В этой заметке и далее через все его работы протягивается красной линией тема единства ответственной личности:

«Три области человеческой культуры – наука, искусство и жизнь – обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству. Но связь эта может стать механической, внешней. <...> Художник и человек наивно, чаще всего механически соединены в одной личности: в творчестве человек уходит на время “из житейского волнения” как в другой мир “вдохновенья, звуков сладких и молитв” <...>. Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и обратно. Нет между ними единства и взаимопроникновения внутреннего в единстве личности.

Что же гарантирует внутреннюю связь элементов личности? Только единство ответственности. За то, что я пережил и понял в искусстве, я должен отвечать своею жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней. Но с ответственностью связана и вина. <...> Поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов. Личность должна быть сплошь ответственной: все ее моменты должны не только укладываться рядом во временном ряду его жизни, но проникать друг в друга в единстве вины и ответственности <...>.

Искусство и жизнь не одно, но должны стать во мне единым, в единстве моей ответственности» [Бахтин 2003: 5–6].

Проблему биографической мешанины и путаницы отмечал, например, и В. В. Бибихин. В предисловии к биографии М. Хайдеггера, написанной Р. Сафранским, он замечает, как неуклюже биограф пытается провести связь между жизненными эпизодами философа и его интеллектуальными открытиями. В. В. Бибихин замечает, что нет никакой прямой связи между эпизодами из детства и историей его понятий, и это проблема любой биографии:

«Литератор и публицист может рассчитывать на проникновение философского дела не больше, чем в математический формализм, когда предметом биографа становится жизнь математика. То, что от повседневности к творчеству плавного перехода нет, замечено давно [Бибихин 2002: 9].

Но все же, обратив внимание на неудачные «биографические приемы» биографа, В. В. Биbihин лишь отметил эту несуразность скоропалительных связок между жизненными эпизодами и работой мысли философа. Ключ к биографическому методу он не предложил, будучи увлечен иным предметом – самой мыслью М. Хайдеггера, своего постоянного собеседника.

Подступы к методу

Надо сказать, что биографический дискурс в философии не так уж беден и редок. Мы знаем о различных попытках выйти в методологический план и поставить некоторые реперные точки для построения конструкта биографического метода. Это делал и сам М. М. Бахтин, и В. Дильтей, и Г. Миш, и другие. Но прежде, чем начать обсуждать историю вопроса, наметим все же некоторые требования к методу, держа в уме рамочный вопрос – а что такое, собственно, есть метод в философии? Причем, метод в преломлении к истории философии?

Представим себе идущего человека. Он идет, и даже не думает, как он это делает. Но не дай бог случится что-то, и он сломает ногу. Ему придется менять сам способ ходьбы. Ему придется брать костыль и идти. Все равно идти, но уже с помощью инструмента, внешнего (!) приспособления, помогающего ему идти. Человек не изменил движение. Но он изменил способ передвижения, способ ходьбы. Насколько радикально меняется сама ходьба? Это отдельный вопрос. Или, например, чтобы добраться до конечной точки, он мог бы просто сесть в машину.

Или, например, человек стал плохо видеть. Ему приходится прибегать к очкам, чтобы видеть. Он приходит к помощи опять же внешнего (!) приспособления, надевает очки, и снова видит. Насколько радикально меняется само видение при этом? Используя очки, человек лучше видит знаки и предметы. Но это не значит, что он лучше понимает то, что видит. Мы ведь знаем, что мы видим не глазами, а представлениями.

Итак, меняется ли способ действия (метод!) при изменении инструментария действия?

Когда И. Кант ввел трансцендентальный метод, он действительно совершил коперниканский переворот. Он в данном случае менял не инструмент. Трансцендентальный метод относится уже не к костылю и очкам. Он относится к изменению самого способа видения, способу действия в акте познания.

Для преодоления натурализма и субъективизма предшествующих теорий познания И. Кант и ввел трансцендентальный метод, предполагающий выход из узких рамок субъективного эмпирического опыта. Для этого он ввел понятие схемы, с помощью которой происходит акт продуктивного воображения, и с ее помощью прodelывается способ построения понятия, способ конструирования идеального объекта. Посредством продуктивного воображения, сидящего на схемах, И. Кант изменил сам способ познания, которое стало и не познанием уже, а способом *конструирования идеальных объектов*. Тем самым переворот был связан не с изменением инструментов, а с изменением самого *способа* познания, *метода*, означающего переход, сдвиг от объектного описания к его конструированию.

Таким образом, метод не сводится к набору инструментов, в сам метод встроено способ действия, который не описывает объекты, а конструирует их, фактически создает. И тем самым фактически в свое время И. Кант сделал заявку на новую, деятельностную онтологию, сделав шаг в сторону *онтологии действия*, в противовес *онтологии вещи*, допустив, что мир есть не собрание вещей и готовых объектов, а мир живых изменяющихся действий и субъектов этих действий, а вещи и объекты суть части этих деятельностей. Поэтому не надо пялиться на эти объекты и пытаться их познавать, не надо превращать в мертвые, готовые объекты живые социальные явления и самого человека, а смотреть на его целеполагание, его самоопределение как действующего существа.

Переходим от этих примеров к нашей теме, биографическому методу. Вроде бы, биографирование как метод предполагает (дабы избежать указанной выше путницы и мешанины творчества и жизни) выход за пределы описания некоей готовой эмпирической жизни какого-то индивида, который родился, жил и умер¹, а предполагает выход в план *конструирования его жизнедеятельности как автора*, используя при этом предварительно выработанные требования и критерии конструирования. Биограф не обязан описывать своего героя, как его земную жизнь, так и его творения. Хотя на практике происходит именно это. Но гораздо важнее такое *конструирование биографии*, которое и показывает его глубинную личность, скрытую от глаз биографа. Такое конструирование не предполагает обязательного присвоения чужой живой жизни (как это делают апроприационисты), равно как и комментирования архивов, рукописей, точнее, оно не сводится к этому. Оно предполагает вскрытие феномена личности героя, при котором осуществляется показ *истока этой личности*, явленной нам как уникальный феномен, в своей единой связности содержащей творения и личную жизнь.

Таким образом биографический метод не предполагает:

- присвоения чужой жизни посредством выгодного (по разным причинам) биографу рассказа/пересказа и интерпретации жизненных эпизодов героя;
- длинного комментирования сочинений героя (он здесь имел в виду это, сказал так, а здесь сказал так, его поняли так, а он на самом деле хотел сказать так...); мало просто иметь документы и комментировать. Их надо оживить, чтобы они заговорили голосом того времени².

¹ Известен эпизод, когда М. Хайдеггер, начав читать лекции об Аристотеле, заявил, что этот философ родился тогда-то, умер тогда-то. И продолжил – а теперь переходим к содержанию его учения. Биография философа для него – строчка между датами рождения и смерти и не более того. Точнее, весь вопрос о значимости философа и вообще – существует он или нет, сводился у Хайдеггера к его учению. Перефразируя В. Маяковского, можно сказать: «Я – философ, этим и интересен».

² А. П. Огурцов выделяет следующие ключевые моменты в биографическом методе (далее – БМ): этот метод предполагает прежде всего личное отношение к историческим событиям. Поэтому это не просто описание частной жизни человека, а осмысление его личностного отношения к тому, что вокруг происходит, описание мира глазами героя биографии. С другой стороны, добавим, это не пересказ теоретических положений его концепции. В противном случае, мы получаем продолжение его трактатов и сочинений. Но здесь Огурцов видит и главный недостаток – он состоит в том, что в этом описании личного отношения последнее начинает объективироваться, в силу чего оно выдается за объективный анализ объективных процессов [Огурцов 2000: 266–267].

Итак, введем мысленную рамку метода. Биографический метод – это такой метод конструирования реальности, в которой жил герой биографии, реальности того времени, тех живых событий, благодаря которому (методу) возможно увидеть (явить) ту ситуацию, в которой жил тогда герой, дышать с ним тем же воздухом, видеть то время его глазами. Это способ помещения себя (биографа) в то время, чтобы это время через меня начало говорить тем голосом, который не заместим никем, чтобы понять то время изнутри, явив миру феномен героя того времени, то есть феномен его личности.

Таким образом, такое конструирование предполагает создание/воссоздание ситуации того времени, в котором жил его герой и помещение себя (биографа) в то время.

Подобное невозможно посредством интерпретации и комментирования текстов, посредством реконструкции и присвоения чужой жизни, невозможно впрямую ухватить то время, в котором явился твой герой. Нужно то время явить, но так, чтобы твой герой сам заговорил своим голосом, стал живым, явленным в цельности поступков, ответственных действий, чтобы ты смог его увидеть, услышать как есть, в живой прямой встрече с ним, с тем, чтобы ты смог стать действительным *свидетелем* его жизни. Строительные леса интерпретаций и реконструкций здесь не работают.

В таком случае исследователю-биографу предстоит поместить себя в то время, в котором жил и творил его Герой. Поместить, поставить себя в то место, из которого начинается рождение его Героя. И тем самым попытаться услышать его голос, постичь исток рождения его мысли. А значит, не просто рассказать эпизоды внешней биографии, а постичь Исток творения, его тайну. И тогда и начинают говорить тексты документов, они оживают, начинают дышать и от них начинает веять Временем, в котором жил наш Герой³.

Какие последствия несет такая установка для автора биографии? Необходима глубинная, радикальная, феноменологическая редукция себя и погружение в то конкретное Время Героя и конкретное Место его, в его присутствие. Нужно попадание в его место. Ведь «бытие (человека) имеет место», говорил М. Хайдеггер.

Точнее, надо встать рядом с ним, чтобы стать его свидетелем, попутчиком, гидом и начинать видеть то происходящее его глазами, дышать одним с ним воздухом. Быть не соглядатаем, не наблюдателем, а свидетелем-путником, идущим рядом с ним.

С помощью метода проникновения и воссоздания того времени, той ситуации жизни героя биограф делает ту ситуацию живым феноменом. И этот кусок жизни живет в момент воссоздания. Как если бы я включил кинохронику и смотрел ту жизнь глазами объектива, смотрел то время, которое, казалось бы, реально ушло. Но в поисках утраченного времени я пытаюсь его воссоздать через воссоздание конкретного образа своего героя. Я пытаюсь при просмотре этой кинохроники как бы присутствовать в том времени. Я как бы нахожусь в нем, присутствую в том времени. Но это не присвоение чужой жизни, а воссоздание ее въяве, но через приобщение к ней, не присваивая ее и не омертвляя ее сухим комментарием натуралиста, собирателя гербария мертвых жизней-бабочек.

³ См. о подступах к такому методу в нашей работе [Смирнов 2023б].

Биограф всегда реконструирует другую жизнь. Он никогда не сможет показать жизнь Другого как есть. Но он может реконструировать ситуацию рождения героя. Равно как он не сможет реконструировать и личность героя, это невозможно по определению. Но ситуацию реконструировать может, чтобы через нее попытаться услышать то время, в котором жил его герой. И через это биограф ищет место своему герою, уникальное и незаместимое. Через обретение этого места, обрисовку своего облика герой обретает свой образ и начинает с нами говорить. А до этого он был спрятан за тоннами и слоями текстов и материалов. Портрет героя – способ явить нам его в его уникальности и неповторимости. До этого был флер, ткань времени, слои ушедших времен. А герой был лишен голоса, был немым и чужим, мертвым.

С одной стороны, биограф-конструктор создает свой объект-конструкт. Но в описательной, объектной, доктринальной парадигме этот объект отчуждается от автора. Создал – и отделил от себя.

В парадигме же феноменологического событийного опыта, опыта участного мышления, *опыта свидетельствующего присутствия*, то, что конструируется, не отделяется, поскольку выступает живой жизнью, а не отчужденным объектом описания. Она всякий раз воссоздается, призывается к присутствию, находясь как бы в ожидании призыва, будучи готовой к новому живому акту воссоздания. Это отличие важно именно потому, что конструируется живая жизнь, не природный процесс, а жизнь человека, когда-то жившего, и он воссоздается всякий раз для приглашения его к беседе, к разговору, он приходит к тебе, как если бы он ненадолго отлучился, вышел и находится в соседней комнате. Такая возможность призывания к Разговору, к явленности во встрече зависит не от объема архивов, знаний источников, осведомленности биографа, а от особой *участной установки*, от угла зрения автора конструкта, биографа.

В качестве первого подступа к теме БМ рассмотрим заявку В. Дильтея, который фактически и ввел его как метод в арсенал гуманитарных наук.

В. Дильтей. Предтеча

Тема биографии рассматривается у В. Дильтея, разумеется, не как самостоятельная проблема, а как следствие, закономерный результат поиска им метода для наук о духе. Именно метода. Его интересовали не только и не столько науки, сколько метод, который, как он понимал, должен соответствовать предмету – человеку в его целостности. В. Дильтея интересовали не только сами по себе гуманитарные науки, но сам человек в его целостности и поиск метода, адекватного для понимания этого феномена⁴.

Поиск метода важен сменой установки, заданием на постановку новой оптики на человека, в связи с чем мы находим такой термин, как *антропологическая рефлексия*:

«Исходной является антропологическая рефлексия. Выявляемая ею взаимосвязь основана на таких комплексах взаимодействий, как страсть и т. д. Она предлагает их типологию и фиксирует значительность этих комплексов в целостности жизни» [Дильтей 2004: 288].

⁴ См. подр. [Смирнов 2023а, Плотников 2000].

То есть, прежде, чем строить науку, нужно сменить установку, настроить антропологическую рефлексию.

И тогда только возможно постижение (посредством понимания и переживания) человека в целостности его жизни, в ее конкретности: «С антропологической рефлексии начинается любое прояснение и экспликация самой жизни» [Дильтей 2004: 290].

Жизнь и есть духовно-исторический опыт человека во всей ее полноте переживания и самоосмысления. Все остальные формы, в том числе познавательные акты, уже выводятся из этого первичного опыта:

«Ибо жизнь дана мне прямо только как моя собственная. И лишь изнутри этой моей собственной жизни я понимаю жизнь вокруг меня, формы животной и человеческой жизни» (цит. по: [Плотников 2000: 10, прим. 10]).

Более широкий базис и методологическая рамка антропологии привели В. Дильтея к попытке такого обоснования наук о духе, исходя из антропологической установки, а не из психологии (см. также [Плотников 2000: 79]).

Поэтому человек как субъект понимания заменяется у него на человека как субъекта целостной жизни:

«В жилах познающего субъекта, какого конструируют Локк, Юм и Кант, течет не настоящая кровь, а разжиженный сок разума как голой мыслительной деятельности. Меня мои исторические и психологические занятия, посвященные человеку как целому, привели, однако, к тому, что человека в многообразии его сил и способностей, это воляще-чувствующе-представляющее существо, я стал брать за основу даже при объяснении познания и его понятий (таких, как «внешний мир», «время», «субстанция», «причина»), хотя порой и кажется, будто познание прядет эти свои понятия исключительно из материи восприятия, представления и мышления <...> каждую составную часть современного абстрактного, научного мышления я соразмеряю с целым человеческой природы, какую ее являют опыт, изучение языка и истории» [Дильтей 2000: 274].

Мыслящий субъект Р. Декарта и И. Канта заменяется у В. Дильтея на некое единство переживания, выражения и понимания, осуществляющееся как событие в целостном человеке.

Итак, здесь важна антропологическая рефлексия, задающая *установку на иной метод*, способ видения человека как живой целостности, не сводимой к субъекту познания. Тем самым В. Дильтей вводит спецификацию прежде всего не объекта познания, а субъекта. Он меняет главное – самого субъекта.

Далее, субъект этот и должен в таком случае быть вооружен иным методом, методом переживания, понимания. И тем самым человек возвращается к самому себе, возвращается «назад к жизни»:

«Это возвращение человека в переживание, через которое для него только и наличествует природа, возвращение в жизнь, в которой только и возникает значение, ценность и цель...» [Дильтей 2004: 127].

Человек живет в мире ценностей, значений, целей, понимания, переживания, в котором связность задается не порядком и законом, а пониманием и единством переживания (проживания).

Речь идет не о механическом делении природы и духа, природы и культуры, всеобщего и единичного, номотетики и идиографии. Речь идет о *тенденции взгляда*, о направлении мышления, ее оптике, установке.

В науках о духе, условность названия которых он постоянно подчеркивает, при этом вводится базовая триада для наук о духе – *переживание, выражение*, понимание: «как предмет наук о духе человечество фигурирует лишь в той мере, в какой человеческие состояния переживаются и выражаются в жизнепроявлениях и в какой эти выражения понимаются» [Дильтей 2004: 130].

Итак, «наука принадлежит к числу наук о духе лишь в том случае, если ее предмет становится для нас доступным через процедуру, фундированную во взаимосвязи жизни, выражения и понимания» [Дильтей 2004: 131]. Обоснование сугубо методологическое, поскольку различие наук о духе проводится через мыслительную процедуру, которая может обеспечить связность жизни, понимания и выражения, хотя эта связь укоренена в самой жизни. Но укорененность эту необходимо еще увидеть.

Это разведение В. Дильтей завершает выводом, согласно которому «главная тенденция состоит в том, чтобы от человечества, от реализованного посредством него объективного духа вернуться» к духу «творящему, оценивающему, действующему, самовыражающемуся, самообъективирующемуся», и эта тенденция находит свое выражение в науках о духе [Дильтей 2004: 132].

В. Дильтей акцентирует внимание на связности, взаимосвязи, самой частотной категории своего метода. Для него эта связность жизни как целого осуществляется с помощью постижения некоего напряжения, связанного с «направленностью на цель, а точнее возникновение интенции к реализации того, чего еще не было в действительности, выбор возможностей и интенции к реализации некоего <...> определенного представления цели, выбор средств к ее осуществлению и само это осуществление. Поскольку это осуществляется взаимосвязью жизни, мы называем это силой. И это – решающее понятие наук о духе!» [Дильтей 2004: 251]. Цельность жизни достигается с помощью понятий, выражающих энергию, силу, напряжение от связности и столкновения сил. Здесь нам важна идея энергичности, скрытая в мысли В. Дильтея.

К основополагающей категории наук о духе относится переживание (проживание) времени [Дильтей 2004: 241]. Переживание – это «протекающий во времени поток, где каждое состояние до того, как он станет отчетливо выделяющимся предметом, изменяется, потому что каждое последующее мгновение строится на предшествующем, и каждое мгновение, не будучи еще схваченным, превращается в прошлое» [Дильтей 2004: 242–243]. Именно переживание времени, а точнее проживание жизни во времени и задает связность и целостность этой жизни. Связность, взаимосвязь целого и всех его частей жизни не существует как абстрактное понятие, и время не является некоей вне человека пребывающей реальностью. Время переживается и проживается в жизни, как связность и целостность потока жизни.

Собственно, здесь и коренится историзм В. Дильтея и его проект истории как науки о духе. Связность проживания состояний и событий задает реаль-

ность истории, исторической действительности. С этим связаны представления об историчности и самого человека, и идея «исторического человека», а не просто человека понимающего и переживающего. Связность потока жизни как наиболее глубинного, того, что изнутри, делает возможным объективность самой истории как науки, изучающей жизнь человека в ее связности событий [Дильтей 2004: 311].

«Жизнь – это то, что известно изнутри, то, что не может иметь под собой никакого более глубокого основания. Жизнь не может быть приведена к суду разума. Жизнь исторична, поскольку она постигается как движение во времени и как возникающий в ходе этого движения поток воздействий [Дильтей 2004: 311].

Но наблюдение жизненного события во времени разрушает его переживание. Наблюдать поток времени невозможно. И переживать поток невозможно. Наблюдается лишь конкретное мгновение. Переживается конкретное состояние в момент времени. Желая наблюдать время, мы разрушаем его наблюдением, поскольку оно фиксируется, искусственно останавливается. Мы можем фиксировать определенное изменение в момент времени. Но сам поток мы не переживаем и не фиксируем. Мы переживаем состояние.

Поэтому мы можем понимать связность переживаний этих состояний. Но такое переживание не является ни описанием, ни объяснением: «По отношению к жизни <...> мы действуем понимающим образом. И это действие осуществляется в собственных категориях, которые чужды познанию природы как таковому» [Дильтей 2004: 245]. Поэтому для познания и описания природы используются формальные категории как «абстрактные выражения» и логические построения, описывающие мир с точки зрения всеобщих связей и закономерностей.

В отличие от формальных, реальные категории не обладают такой степенью абстрактной общезначимости. Но с их помощью можно понять связность жизнепроявлений в их целостности, в их смысле. В известной мере реальные категории в своем классе выступают как незавершенные, открытые, плавающие, не устойчивые, не формальные «структурные формы самой жизни» [Дильтей 2004: 252]. Они, прежде всего, относятся к реальности духовной жизни человека, имеют отчетливо выраженный антропоморфный характер. К таковым относятся как категории переживания, выражения, так и категории смысла, ценности, цели, значения, события. Последние могут быть ухвачены и более соответствующими методами – такими, как *понимание и истолкование, автобиография, биография того или иного человека, включая и литературные архивы* [Дильтей 2004: 246–250]. Эти категории жизни укоренены в самой жизни:

«Жизнь в своем своеобразии постигается с помощью категорий, которые чужды познанию природы. И здесь решающий момент состоит в том, что эти категории не приложимы а priori к жизни, как к чему-то ей чуждому, а укоренены в сущности самой жизни» [Дильтей 2004: 281]⁵.

⁵ В итоге базовая философская категория (бытие) была заменена В. Дильтеем категориями жизни, которой он, однако, также приписывал субстанциальный статус. Жизнь выводилась изнутри себя самой, имея причиной саму себя. Много позднее его последователи, например, в

Итак, для В. Дильтея было важно построить метод, способ мысли, с помощью которого возможно удерживать целостность и связность реальности жизни, и подобрать для нее соответствующий метод. Не метод познания объекта, а метод сопричастности к реальности духовной жизни. Таковым методом становится метод понимания:

«Понимание и истолкование – вот метод, используемый науками о духе. В нем объединяются все функции. Понимание и истолкование содержат в себе все истины наук о духе. Понимание в каждой отдельной точке открывает отдельный мир» [Дильтей 2004: 253].

Но если исходным для В. Дильтея является установка на целостного человека в его полноте жизни, то и понять его в его целостности переживания и выражения возможно лишь из самой его жизни, а не из внешней точки зрения наблюдателя. Поэтому необходимо разворачивать понимание из самой жизни, постепенно наращивая смыслы и значения понимания и выражения. Тем самым понимание становится базовым для всех наук о духе.

Наиболее полную и совершенную экспликацию постижения и толкования собственной жизни человек получает в автобиографии. В автобиографии жизненный путь человека обретает литературную форму:

«Автобиография – это высшая и наиболее поучительная форма, в которой нам представлено понимание жизни <...>. Автобиография – это осмысление человеком своего жизненного пути, получившее свою литературную форму <...>, это литературное выражение, размышление индивида о ходе своей жизни <...>. Именно здесь переживание является той постоянной, непосредственной основой понимания, которое связано с определением смысла жизни индивида» [Дильтей 2004: 248, 249, 296, 297].

Благодаря пониманию произведений искусства и автобиографий возможна высшая форма понимания – «перенесение-себя-на-место-другого», или так называемое повторное переживание [Дильтей 2004: 262–263]. Этот феномен «перенесения своей собственной самости» в иные формы жизни возможен за счет того, что понимание как бы движется вперед вместе с развитием событий. Повторное переживание возможно благодаря акту творчества, который совершает понимающий по ходу развития событий. Понимающий может понять автора еще лучше, чем тот сам понимает себя. Это возможно потому, что в произведении выражены цельные, законченные формы жизни, а не фрагменты.

Благодаря переживанию событийности жизни возможно перенесение себя на место другого, отличное при этом от психологических феноменов. Нельзя повторное переживание объяснять сугубо психологически, как чувствование или сочувствие. Такое повторное переживание повторяет всю полноту событийности, говоря уже словами М. М. Бахтина. Хотя В. Дильтей так не говорил, оставаясь нацеленным на другое – на определение степени общезначимости способов понимания, достоверности знания, которое добывается

лице Г.-Г. Гадамера, специально акцентировали на этом внимание, говоря о смысле произошедшего философского поворота в начале XX века. Он заключался в переходе от «мира науки к миру жизни» [Гадамер 1991: 7].

в актах понимания, на выработку правил понимания и истолкования и в целом – на построение «логики наук о духе» [Дильтей 2004: 268].

Итак, Дильтей приходит к идее биографии и автобиографии окольным путем. Сама идея БМ родилась сугубо в недрах его концепта. Он не существует отдельно от него. Стремясь реализовать свой метод постижения целостной жизни человека в ее историческом потоке и целостности, в ее временном измерении, во времени, философ выделяет фактически биографию как форму построения и постижения жизни в ее целостности. Биография выступает у него культурной формой, способом понимания человека в его *целостности изменений во времени*, наряду с личными архивами и художественными произведениями⁶.

После всего выше сказанного зададим себе вопрос – удалось ли В. Дильтею построить, предложить собственно биографический метод, биографирование как метод, причем встроенный как научный метод в науки о духе?

С одной стороны, он допускал, что в силу доступности каждому человеку такого осмысления о собственной жизни, о смысле жизни, биография становится не только литературной формой, но и научной, то есть всеобщей и достоверной.

Также момент научности заключался для В. Дильтея в том, что всякая биография основывается на так называемых личных документах (переписке, архивах, воспоминаниях). Задача биографии заключается в том, чтобы, собрав эти документы, осмыслить то, как влияет на индивида среда и как он реагирует на это влияние [Дильтей 2004: 295]. А еще важнее то, что в воспоминаниях индивида, его размышлениях о своей жизни, то есть, в той самой антропологической рефлексии, проявляется «праклеточка истории». Особенно если речь идет об исторически значимых, масштабных личностях. Их воспоминания о своей жизни, влияющей на историю, достойны того, чтобы стать основой для биографии, чтобы их биография «приобрела форму художественного произведения» [Дильтей 2004: 296]. Поэтому особого внимания заслуживают те исторически значимые люди, «чье влияние связано с погружением в труднодоступные глубины человеческого бытия, кто достиг более глубокого проникновения в человеческую жизнь и ее индивидуальный облик» [Дильтей 2004: 296].

В. Дильтей признает, что привычно в биографии в центр внимания ставить отдельного индивида, его судьбу. Да, привычно. И это делает затруднительным построение биографии как научного метода. Но с другой стороны, речь должна идти о смене центра внимания, смене фокуса, акцента: да, биография центрирована на индивида, он ставится в центр рассмотрения, но не как частного лица.

У В. Дильтея есть хорошее сравнение – индивид выступает этакой «*транзитной точкой*» – сквозь нее проходит история (рис.). Биография сама по себе не может перерасти в научное художественное произведение. А индивид – «лишь точка пересечения систем культуры и организаций, куда вплетено его бытие» [Дильтей 2004: 300].

⁶ А. П. Огурцов также отмечает, что биографический метод становится у В. Дильтея таким «методом понимания духовной жизни», основанным на индивидуальном отношении героя. Последнее подкрепляется изучением разного рода личных документов [Огурцов 2000: 266]. В биографических исследованиях они называются также эгодокументами – это письма, дневники, личные архивы, воспоминания и др.

Но задача биографа состоит в том, чтобы показать то, как через отдельного индивида, через эту транзитную точку история проходит и начинать говорить своим голосом.

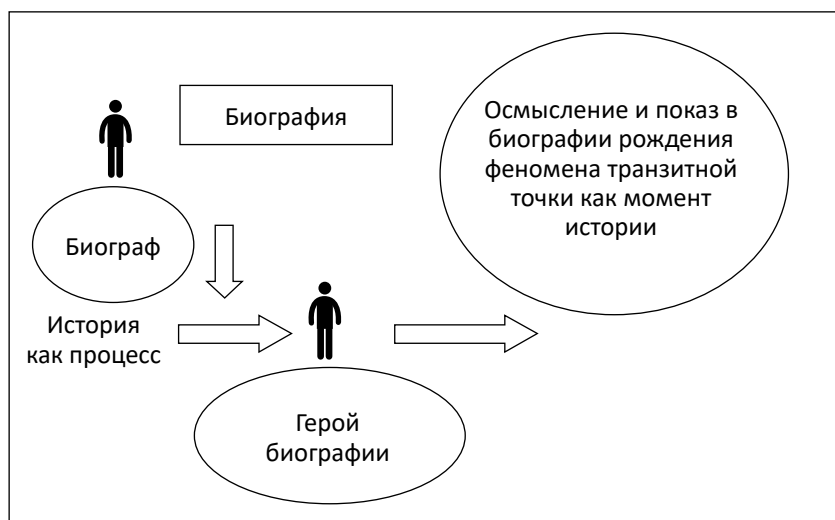

Рис. Транзитная точка

Если продолжить В. Дильтея, то выглядит это так: если отдельный индивид становится такой транзитной точкой, то он здесь, в этом моменте, становится больше самого себя, через него начинает говорить история. В этом и состоит суть и смысл БМ.

Но, признает В. Дильтей, сама по себе биография не сможет выполнить эту задачу. Он допускает, что «существуют новые категории, образы и формы жизни, к которым и следует обратиться и которые сами не обнаруживаются в индивидуальной жизни» [Дильтей 2004: 300]. Но какие? Он их не назвал, хотя и сделал вывод: нам нужны новые основания для понимания всеобщих процессов и движений, не сводимые к индивиду. И поэтому биография не может быть построена на интроспекции, на собственном самочувствии, сосредоточении на себя. Мы постигаем человеческую природу не с помощью интроспекции. В этом, замечает В. Дильтей, состояла чудовищная ошибка Ф. Ницше. Поэтому он и не смог понять значения истории [Дильтей 2004: 300]⁷.

Биографа интересует не сам по себе герой, а его взгляд на историю, на мир, на человека, на события. Это означает расширение исторического горизонта. Но, признает В. Дильтей, это реально сделать в случае, если создается биография исторических личностей, только они могут быть, с одной стороны, в центре биографии, а с другой, показывать своим видением и деяниями исторический горизонт и масштаб [Дильтей 2004: 299].

⁷ Добавим от себя: Ф. Ницше собственно всю историю так и понимал – как историю личной жизни, личных страстей, которые испытывает отдельная личность. История терзаний и сомнений самого Ницше – это и есть собственно история. Все остальное для него – домыслы и спекуляции. Это можно допустить в равной мере, как и допустить, что история представляет собой естественно-исторический процесс. И то, и другое – вообще-то конструкты и парадигмы, определенные допущения и установки. Заметим, В. Дильтея не устраивала ни та, ни другая. Для него история есть процесс, пропущенный через жизнь конкретной личности.

Итак, подступы к БМ В. Дильтей все же наметил. И главное – он наметил момент того, как преодолевать тот самый личный или частный, приватный характер биографии, как биографу не скатиться в описание приватной жизни своего героя: биограф, используя эгодокументы, вовсе не обязан пересказывать интимные подробности частной жизни. Он должен пытаться находить в авторских высказываниях момент того, как его герой понимает свое место, свои деяния, исторический контекст, как понимает и чувствует момент времени, себя во времени, момент движения во времени. Задача биографа – с одной стороны, не пересказ идей героя, которые тот и так изложил в своих сочинениях, но и не показ его приватной жизни, а попытка увидеть в капле индивидуальной жизни отдельной личности момент времени, момент исторических изменений, а главное – показать то, как это понимает и проживает сам герой его биографии, как он осмысляет свой момент жизни в моменте истории.

Иначе говоря, задача биографа заключается в том, чтобы явить работу метода антропологической рефлексии: показать, что делает и как его герой, рефлексировав момент истории в минуту своего нахождения в нем, в этом моменте. И это биограф должен как-то обнаружить, увидеть, услышать, описать и предъявить.

Заявка на проект

Исходя из выше сказанного, намечается исследовательский проект применительно к истории философии. Его основные идеи заключаются в следующем.

Необходимо показать биографический метод в действии. То есть, представить биографию философа как *философский портрет*. В свое время М. Пруст отверг метод Ш. Сент-Бева, впервые предложившего жанр литературных портретов [Сент-Бев 1970]. М. Пруст полагал (вполне справедливо), что физический индивид и автор, представленные в одном человеке, не одно и то же лицо (см. [Пруст 2018]). Собственно, он это показал своим романом. А М. К. Мамардашвили в «Психологической топологии пути» развернул это в концепте (см. подр. [Мамардашвили 2014]). Но Ш. Сент-Бев все же, создавая свои портреты, не копировал героя. И не редуцировал его к эмпирическому индивиду, не замораживал его. Он писал портреты. Это не означает отождествления портрета и героя. Он не был натуралистом-копиистом. Но важно то, что его портреты были самоцельными, самостоятельными произведениями. Он их творил. И портрет при этом не выступал каким-то слепком или зеркалом эпохи, или копией реального лица. Это не мемуар, не документ, но и не художественный вымысел. Портрет есть самостоятельный жанр, в котором автор биографии пытается найти герою, своему философу, свое место, уникальное и незаместимое никем, посредством поиска в нем черт личности, неуловимых никакими концепциями и эгодокументами. Автор портрета вступает со своим героем в невидимый диалог, пытаясь прислушаться к его голосу, всмотреться в его лицо, так, чтобы этот голос заговорил.

В таком случае философский портрет есть способ явления героя во времени, метод *свидетельствующего присутствия* автора портрета (биографа) в том времени. Это метод такого присутствия, которое позволяет как бы быть в том времени, в котором жил герой-философ, и видеть то время и место его глазами.

А далее необходимо представить опыт составления философских портретов на примере тех философов, которые были бы здесь вполне уместны, на материале портретов которых можно было бы показать наиболее рельефно специфику жанра философского портрета. Например, это портреты Р. Декарта, И. Канта, П. Я. Чаадаева, Л. Витгенштейна, Л. С. Выготского, М. М. Бахтина и др.

Список имен не случаен. Философ интересен в своем портрете тем, что в нем выражается лицо времени, физиономия исторической ситуации. Голос конкретного философа, – это голос того времени, который не спутаешь с другим голосом.

В свое время последователи Ш. Сент-Бева, плохие и не далекие, превратили почему-то это занятие в способ научного исследования – мол, по жизнеописанию героя можно судить о тайнах творчества, находить какие-то ответы относительно загадок, скрытых в его сочинениях. Литературоведы и авторы философских биографий пытаются делать выводы из биографии частного человека, причем, документальной (не в духе портрета Сент-Бева), они предполагают найти в биографии ответы на вопросы, возникающие при изучении сочинений героя. Например, как это делал Р. Сафрански, пытавшийся объяснить те или иные понятия или идеи М. Хайдеггера, забравшись в эпизоды из его детства. Или как это делал З. Фрейд. Но последний имел другую цель – излечение пациента с помощью составления психобиографии. Или как это делал К. Ясперс в своей психопатологии.

Создание портрета не предполагает этого. Нет необходимости в портрете искать ответы, отгадывать тайны личности. Портрет самоцелен и уникален, он отличается тем, что это не документальный рассказ, но и не художественный роман, не вымышленная история. И не научная интерпретация научных текстов. В портрете явлен феномен личности героя, созданный благодаря «избытку видения», которым обладает автор, пытающийся увидеть героя из него самого. И через него (это главное!) услышать гул того времени, в котором жил герой, увидеть знаки времени глазами героя, и тем самым как бы побывать на его месте.

Но прежде, чем мы приступим к этой работе, необходимо представить панораму и контекст проблемы, показав библиографию метода, состояние дел в области биографики. Этому будет посвящена вторая часть работы.

Литература

- Бахтин 2002 – *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002.
- Бахтин 2003 – *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика. 1920-х годов. М: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003.
- Бибихин 2002 – *Бибихин В. В.* Сила мысли // Сафрански Р. Хайдеггер. Германский мастер и его время. Москва: Мол. Гвардия, 2002. С. 5–17.
- Гадамер 1991 – *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. 366 с.
- Дильтей 2000 – *Дильтей В.* Собрание сочинений. Т. 1. Введение в науки о духе. М. Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Дильтей 2004 – *Дильтей В.* Собрание сочинений. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе. Пер. В. А. Куренного, А. П. Огурцова, А. В. Михайловского. М. Три квадрата, 2004.

- Мамардашвили 2014 – *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
- Огурцов 2000 – *Огурцов А. П.* Биографический метод // Новая философская энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 266–267.
- Плотников 2000 – *Плотников Н. С.* Жизнь и история. Философская программа Вильгельма Дильтея. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000.
- Пруст 2018 – *Пруст М.* Заметки об искусстве и литературной критике. М.: РИПОЛ классик, 2018. 362 с.
- Сент-Бев 1970 – *Сент-Бев Ш.* Литературные портреты. Критические очерки. Изд-во «Художественная литература», 1970. 582 с.
- Смирнов 2021 – *Смирнов С. А.* Мераб Мамардашвили: топология мысли. СПб.: Алетейя, 2020. 392 с.
- Смирнов 2023а – *Смирнов С. А.* Антропология как строгая наука? К вопросу о методологическом обосновании философской антропологии. Статья 4. Гуманитарный проект В. Дильтея // Философская антропология. 2023. Т. 9. № 1. С. 27–49.
- Смирнов 2023б – *Смирнов С. А. М. М. Бахтин как автор и герой авто(биографии)* // Литературоведческий журнал. 2023. № 1(59). С. 22–35.

References

- Bakhtin 2002 – Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 6. Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic culture, 2002.
- Bakhtin 2003 – Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics. 1920. Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic culture, 2003.
- Bibikhin 2002 – Bibikhin V.V. The Power of Thought // Safranski R. Heidegger. The German Master and His Time. Moscow: Mol. Guard, 2002. P. 5–17.
- Gadamer 1991 – Gadamer G.-G. The Relevance of Beauty. Moscow: Art, 1991. 366 p. In Russian.
- Dilthey 2000 – Dilthey W. Collected Works. Vol. 1. Introduction to the Sciences of the Spirit. (transl.). Moscow. 2000. In Russian.
- Dilthey 2004 – Dilthey W. Collected Works. Vol. 3. Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit. Transl. V. A. Kurennoy, A. P. Ogurtsov, A. V. Mikhailovsky. Moscow: Three squares, 2004. In Russian.
- Mamardashvili 2014 – Mamardashvili M. K. Psychological Topology of the Path. Moscow: Merab Mamardashvili Foundation, 2014. 1232 p.
- Ogurtsov 2000 – Ogurtsov A. P. Biographical Method // New Philosophical Encyclopedia. Vol. 1. Moscow: Mysl, 2000. P. 266–267.
- Plotnikov 2000 – Plotnikov N. S. Life and History. Philosophical Program of Wilhelm Dilthey. Moscow, 2000. In Russian.
- Proust 2018 – Proust M. Notes on Art and Literary Criticism. M.: RIPOL classic, 2018. 362 p. In Russian.
- Sainte-Beuve 1970 – Sainte-Beuve C. Literary Portraits. Critical Essays. Publishing House «Fiction», 1970. 582 p. In Russian.
- Smirnov 2021 – Smirnov S. A. Merab Mamardashvili: Topology of Thought. St. Petersburg: Aletheya, 2020. 392 p.
- Smirnov 2023a – Smirnov S. A. Anthropology as a Rigorous Science? On the Issue of Methodological Justification of Philosophical Anthropology. Article 4. Humanitarian Project of W. Dilthey // Philosophical Anthropology. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 27–49.
- Smirnov 2023b – Smirnov S. A. M. M. Bakhtin as the Author and Hero of an auto(biography) // Literary Journal. 2023. No. 1(59). P. 22–35.